

УДК. 347.6**Наследственно-правовое положение неродившегося ребенка****Пилипчук Олег Леонидович**

Аспирант,
кафедра гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190103, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44;
e-mail:pilya07@gmail.com

Аннотация

Дискуссия о том, является ли нерожденный ребенок субъектом или объектом права, автономным субъектом, частью женского организма или даже биологическим продуктом в настоящее время стала особенно острой. Традиционное представление о наследственно-правовом положении неродившегося ребенка в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий требует пересмотра. В данной статье автором исследована правовая природа человека до его рождения, проанализирована дифференциация наследственно-правового положения нерожденного ребёнка в зависимости от того, был ли он имплантирован в качестве эмбриона или зачат естественным путем, родился жизнеспособным или нежизнеспособным. Рассмотрены проблемы наследственно-правового положения постмортальных детей. Отмечено, что наиболее перспективной для эволюции научных представлений о наследственно-правовом положении неродившегося ребенка, является концепция о постепенном развитии правосубъектности человека, позволяющая сдвинуть момент начала правосубъектности, пусть и в ограниченном объеме, на более ранний, чем сейчас принято считать, этап – момент зачатия.

Для цитирования в научных исследованиях

Пилипчук О.Л. Наследственно-правовое положение неродившегося ребенка // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 5А. С. 212-219.

Ключевые слова

Насцитурус, интересы ребенка, постмортальные дети, правосубъектность, правовое положение, правовой статус, наследодатель, наследник.

Введение

Дискуссия о правом положении неродившегося ребенка очень давняя, но все еще напряженная и далека от завершения. Закон, начиная с римской традиции, не решается прямо признавать правосубъектность зачатого, но не рожденного ребенка, даже если он пользуется определенной защитой. Так, в древнеримском праве были нормы, основывающиеся на фикции, согласно которой с точки зрения прав наследования еще не существующий субъект – зачатый ребенок – должен был рассматриваться как уже присутствующий в мире природы (*in rerum natura*). Если беременная женщина попадает в плен к врагам, будущий ребенок уже имеет право на возвращение – постлиминиум [Ничипорук, 2004].

Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (вступила в силу для СССР 15.09.1990) и Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года указывают на необходимость обеспечить надлежащую правовую защиту ребенка, как до, так и после рождения. Законодательство РФ также в ряде ситуаций учитывает права нерожденного ребенка. К примеру, ст. 1116 ГК РФ признает право nasciturus на наследство своего отца, абз. 11 - 12 ч. 2 п. 1 ст. 218 НК РФ распространяет налоговый вычет на детей, эвакуированных из зоны катастрофы на Чернобыльской АЭС, которые в момент эвакуации находились в состоянии внутриутробного развития.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, нерождённый ребёнок (*nasciturus*) имеет право на возмещение морального вреда, причинённого смертью одного из родителей (постановление от 2 марта 2023 г. № 7-П). Суд также указал на конституционно-правовое равенство детей, рожденных как до, так и после смерти отца.

Вместе с тем, плод и эмбрион характеризуются отсутствием правосубъектности – гражданское законодательство определяет начало правоспособности с момента рождения (ст. 17 ГК РФ), а дееспособности в полном объеме – по достижении 18 лет (ст. 21 ГК РФ).

Таким образом, с одной стороны, признается, что зачатый ребенок принадлежит к человеческому роду, но, с другой стороны, мы отказываемся извлекать из этого факта все необходимые правовые последствия. В настоящее время большому количеству доктринальных положений и судебных решений парадоксальным образом противостоит правовой вакуум в отношении правового положения будущего ребенка с момента его зачатия до его рождения. Отсутствие консенсуса относительно границ и объема прав, которые имеют или могли бы иметь неродившиеся дети, и, следовательно, механизма защиты этих прав порождает ряд вопросов, связанных с наследственно-правовым положением неродившегося ребенка. Нет однозначного ответа относительно наследственного положения криоконсервированных эмбрионов; ребенка, зачатого после смерти наследодателя (постмортальные дети); до сих пор дискутируется возможность объединения правовым статусом несовершеннолетнего ребенка родившихся и не родившихся детей.

Основное содержание

Позитивное право каждой страны действуют в соответствии историческим, социальным и культурным контекстом, который создает основу для современного законодательства. Осмысление наследственно-правового положения неродившегося ребенка требует изучение эволюции понятия nasciturus и той роли, которую он играл в других юрисдикциях и в другое время, чтобы установить существующую связь с сегодняшними реалиями и определить возможные направления развития. Отправной точкой и ориентиром, является следующая

латинская юридическая максима: «*Infans Conceptus pro nato habetur, quoties de commodis eius agitur*» - «зачатый считается рожденным ради всего, что ему выгодно» [Константинов, 2019, 142], согласно которой нерожденный ребенок рассматривается как потенциальный субъект прав наследования и собственности, хотя они и были отсрочены до момента рождения. Аналогичное положение сохранялась и в периоды Возрождения и Нового времени. Нерожденный ребенок еще не обладал правосубъектностью или атрибутами идентичности, такими как имя, но получал благодаря предвидению своего живорождения семейный и социальный статус, дающий ему права на «наследственность» его семьи – понятие, которое в то время было лишено медицинского или биологического подтекста и которое относилось только к имуществу (собственности), передаваемому от одного поколения к другому. Механизмы этой родовой передачи связывали собственность с кровью, понимаемой не как биологическая жидкость, а как метафора юридического родства, санкционированного браком и обозначенного правовыми параметрами, которые могли варьироваться в зависимости от региона и социальных категорий.

Таким образом, в российском и иностранном гражданском праве ребенок, в большинстве случаев, рассматривается и сейчас и в исторической ретроспективе, как потенциальный бенефициар независимо от стадии его развития или даже его материального существования.

Вместе с тем, что касается правового положения будущего ребенка, в юридической науке было предложено несколько решений, которые фактически сводятся к двум полярным позициям [Константинов, 2019; Капитонова, 2019; Кизыма, 2016; Журавлева, 2014]. Одни признают нерожденного ребенка на любой фазе его развития носителем прав (либо как минимум права на жизнь) и в данном случае эмбрион (плод), является лицом, пользующимся той же правовой защитой, что и живые и жизнеспособные индивиды. Другие утверждают противоположное, считая, что человеческий эмбрион (плод) характеризуется отсутствием правосубъектности, т.е. не является личностью и поэтому не имеет права на какое-либо признание и правовую защиту.

В научной литературе указанные позиции конкретизируются следующим образом [Капитонова, 2019; Журавлева, 2014; Белова, 2019; Куликов, 2018; Рыбаков, 2022]:

- нерожденный ребенок является лицом, права которого ущемлены и который лишен дееспособности. Это очень неоднозначный подход, основанный на фикции, состоящая в том, чтобы утверждать, что до рождения ребенок может быть правообладателем только в порядке исключения из правила, согласно которому правосубъектность приобретается при рождении. Таким образом, зачатый ребенок может обладать правами (в частности, правом на наследство), не существуя юридически, не считаясь субъектом права.
- правовой статус будущего ребенка – это «вещь», объект права, причем эта классификация, судя по всему, осуществляется по остаточному принципу исходя из римской юридической концепции *summa divisio*, согласно которой в правовом поле осуществлялось деление различных юридических категорий, в данном случае люди/вещи (имущество). А поскольку зачатый ребенок не является субъектом, он автоматически переходит в правовую категорию объектов права. Исходя из этого подхода, мы оказываемся в очень неудобном положении, когда признаем, что вещь, не являющаяся субъектом права, считается возможным правообладателем, субъектом наследственного процесса.
- следует различать правовое положение эмбриона и нерожденного ребенка. Правовая природа эмбрионов *in vitro* (зачатие и некоторый этап развития проходят вне материнского организма, «в пробирке») и *in vivo* (зачатие и развитие проходят внутри материнского организма) признается различной [Белова, 2019, с. 123], что требует реакции законодателя. Эмбрион может быть одновременно личностью и вещью,

субъектом и объектом права. Отметим, что идеи о признании эмбрионов человека объектом прав получили развитие в связи с появлением вспомогательных репродуктивных технологий и характерна для романо-германской правовой семьи [Куликов, 2018]. Это направление правовой мысли опираются на биолого-медицинскую реальность и утверждают, что человеческая жизнь начинается с зачатия и что, следовательно, правовая защита должна быть предоставлена ребенку с этого момента. Этот тезис противоречит классическому подходу, согласно которому статус субъекта права приобретается с момента рождения, и что до этого момента ребенок является не чем иным как неотъемлемой частью биологической системы женщины, которая его вынашивает. Однако классический подход сложно применим к эмбрионам *in vitro*, зачатие и некоторый период существования которых проходит автономно.

- нерожденный ребенок является носителем не прав, а законного интереса, который и защищается государством [Кизыма, 2016, с.40,41];
- постепенное развитие правосубъектности по мере развития человека от зачатия до рождения, а затем до достижения совершеннолетия. В рамках данного подхода поддерживается гипотеза о том, что нерожденный ребенок будет «условным», «потенциальным» субъектом права, обладает «условной» правосубъектностью. Это придает ему особый статус, «гарантирующий наделение его правами, схожими с правами родившегося ребенка» [Капитонова, 2019, с. 71]. Некоторые авторы предлагают признавать за эмбрионом правосубъектность после 12 недель внутриутробного развития [Рыбаков, 2022, с. 6], другие с – 6 недели (начало функционирования ствола мозга) [Капитонова, 2019, с. 71], третьи – с того момента, когда он в принципе может выжить вне тела матери [Капитонова, 2019, с. 71, 72]. Полагаем, что то, что в данной концепции является условным, потенциальным или ориентированным на будущее – это не способность нерожденного ребенка приобретать права, а реализация приобретенных таким образом прав. Справедливости ради надо отметить, что возможность самостоятельной реализации своих прав нерожденным и только родившимся ребенком фактически одинакова – она нулевая. Реализация наследственных прав ребенка как до, так и после рождения осуществляется его родителями, законными представителями.

Говоря о правосубъектности, отметим следующее. В формалистическом позитивизме это понятие имеет три существенные характеристики: а) это чисто абстрактное понятие, *nomen juris*; б) оно создается волей государства и, следовательно, в) оно может быть приписано или отнято законодателем. То есть правосубъектность представляет собой юридическую абстракцию. Исходя из этого тезиса, правосубъектность — это не качество, которым человек обладает по природе, а качество, которое ему приписывает закон. Таким образом, законодатель может определять условия и основания возникновения правосубъектности применительно к различным субъектам, исходя из потребностей общества, реалий практики, историко-правового контекста и руководствуясь здравым смыслом.

Наш законодатель всегда воздерживался от четкого определения правовой природы человека до его рождения. Он просто утверждает, что с момента зачатия ребенок способен претендовать на наследство, и затем уточняет, что призыв к наследованию возможен только в том случае, если зачатие состоялось на момент жизни наследодателя и если этот ребенок родится живым (ст. 1116 ГК РФ). В данной норме конкретно не говорится, обладает ли «зачатый ребенок» правосубъектностью или нет.

Отсутствие такого указания приводит к доктринальным спорам относительно момента приобретения ребенком правосубъектности, а в современном мире и к вопросам о

наследственно-правовом положении неродившегося ребенка, зачатого после смерти одного или обоих генетических родителей.

Полагаем, что взаимосвязь норм международных правовых актов, предписывающих обеспечить надлежащую правовую защиту ребенка, как до, так и после рождения, положений российского законодательства, определяющих для понятия «несовершеннолетний» только верхнюю возрастную границу, позволяет предположить, что наследственно-правое положение несовершеннолетнего формируется из наследственно-правовых возможностей и юридических связей, которые образуются между детьми, рожденными и нерожденными, и иными лицами в рамках наследственного процесса.

Правовая защита, которой пользуется нерожденный ребенок, распределяется в зависимости от того, был ли он имплантирован в качестве эмбриона или нет, родился жизнеспособным или нежизнеспособным. И если с последним можно согласиться – решение законодателя аннулировать «условную» правосубъектность мертворожденного ребенка чтобы упростить урегулирование споров о правах, которые могут возникнуть в связи с наследованием, является логичным – то дискриминация в зависимости от способа и времени зачатия представляется неконституционной. Опасно считать, что с эмбрионами *in vitro* следует обращаться так, как будто они никоим образом не связаны с достоинством человеческой личности.

Действующее законодательство ориентировано на традиционную беременность, когда для момента зачатия требуется наличие живых родителей, можно предвидеть рождение в определенный период времени и, следовательно, временные границы принятия наследства. В случае применения методов вспомогательной репродуктологии между моментом создания эмбриона и рождения ребёнка может пройти намного больше 9 месяцев стандартной беременности и помещение эмбриона в полость матки может произойти после смерти наследодателя (как матери, так и отца). Способны ли постмортальные дети в соответствии с п.1 ст. 1116 ГК РФ привлекаться к наследованию или нет? Ответ на этот вопрос зависит от того, что считать моментом зачатия. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 55 указывает, что «вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых *отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов* осуществляются вне материнского организма». Таким образом, можно полагать, что создание эмбриона *in vitro* и есть момент зачатия, вне зависимости от того, когда эмбрион имплантирован в матку. Факт зачатия в данной ситуации легко доказать документально – в медицинских документах клиники репродуктологии будет указана соответствующая дата.

Однако Московский областной суд счел иначе, отказав в признании наследником по закону криоконсервированного эмбриона, полученного по программе ЭКО с использованием их половых клеток истца и его ныне покойной супруги. Суд указал, что момент зачатия эмбриона – его имплантация, а образование эмбриона по программе ЭКО является одной из стадий зачатия и само по себе не свидетельствует о его наступлении (Апелляционное определение Московского областного суда от 02.02.2022 № 33-4577/2022). Суд подчеркнул, что договор на оказание услуг по поиску суррогатного материнства для вынашивания указанного эмбриона, представленный истцом, не имеет правового значения, поскольку юридически значимое обстоятельство в виде зачатия наступит за пределами момента, ведущего к возникновению права на призвание к наследованию – смерти наследодателя.

Интересно, что Черёмушкинский районный суд г. Москва, рассматривая вопрос о наследовании ребёнком, рожденным после имплантации эмбриона в матку суррогатной матери уже после смерти отца, признал за указанным ребенком право претендовать на наследство. Дочь

родилась спустя 374 дня после смерти генетического отца. В запись акта о рождении наследодатель указан отцом. Суд, принимая решение, не исследовал факт биологического родства, не высказал своего мнения относительно того, что считать моментом зачатия и соответствия сложившейся ситуации требованиям п. 1 ст. 1116 ГК РФ. Аргументация суда сводилось, по сути, к следующему – наследодатель указан в качестве отца ребенка закономерно, следовательно, ребенок – бенефициар по закону, вне зависимости от обстоятельств его зачатия и времени рождения (Черемушкинский районный суд г. Москва дело № 02-8908/2022).

Законодательное определение понятия «зачатие» в контексте восстановительных репродуктивных технологий возможно в двух вариантах: (1) по формальному признаку момента слияния половых клеток, т.е. в момент получения эмбриона *in vitro* либо (2) в момент имплантации эмбриона в матку генетической или суррогатной матери.

Первый вариант исключает из процесса наследования ту часть детей, которые были зачаты из репродуктивного материала биологического родителя, сданного прижизненно или изъятого посмертно, поскольку в таком случае создание эмбриона происходит после смерти наследодателя, во втором случае – всех детей, зачатых после смерти родителя вообще.

Для защиты интересов постмортальных детей полагаем целесообразным дополнить формулировку п. 1 ст. 1116 ГК РФ фразой «а также зачатые после смерти наследодателя...». В этом случае «зачатие при жизни наследодателя» следует понимать как естественный способ репродукции или имплантирование эмбриона в матку биологической или суррогатной матери при жизни обоих генетических родителей, а «зачатие после смерти наследодателя» – имплантирование после смерти наследодателя эмбриона, созданного при его жизни, либо полученного после его смерти из репродуктивного материала, сданного прижизненно или изъятого посмертно. Для соблюдения прав наследодателя, его воля на передачу наследства такому ребенку должна быть явно выражена путем добровольного информированного согласия, зафиксированного в письменной форме.

Для соблюдения баланса интересов нерожденного ребенка и других наследников, исключения возможности появления «лежачего наследства», требуется ограничить срок появления на свет потенциального наследника. В научной литературе по поводу указанного срока высказываются различные предложения. На постмортальное имплантирование эмбриона предлагают отвести 3 года [Константинов, 2019, с. 146], 6 месяцев [Журавлева, 2014, с.9], в иностранном законодательстве этот срок в разных странах составляет 36, 12 или 24 месяца [Шелютто, 2016].

Заключение

В настоящее время сформулировано три ключевые позиции, оказывающие влияние на правовое положение неродившегося ребенка:

- человек как субъект права существует с момента зачатия;
- человек как субъект права появляется после рождения живым;
- нерожденному ребенку ретроспективно предоставляются некоторые права, гарантирующие защиту и уважение его основных прав.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что правосубъектность — это не качество, которым человек обладает по природе, а качество, которое ему приписывает закон. Таким образом, концепция о постепенном развитии правосубъектности по мере развития человека от зачатия до рождения, а затем до достижения совершеннолетия не противоречит идеологии гражданского права и нашей правовой традиции, главной заботой которой является

защита наиболее уязвимых.

Наследственно-правое положение несовершеннолетнего формируется из наследственно-правовых возможностей, определяемых совокупностью обстоятельств юридического, социального и иного характера, и юридических связей, которые образуются между детьми, рожденными и нерожденными, их законными представителями, родственниками, иными наследниками, наследодателями, суррогатными матерями, органами опеки и попечительства и иными лицами в рамках наследственного процесса.

Обоснована недопустимость дискриминации нерожденных детей в зависимости от способа и времени зачатия. Вместе с тем, распространяя защиту наследственных прав на детей, зачатых после смерти родителей, необходимо соблюдать права и законные интересы иных наследников, которые не могут пребывать в состоянии правовой неопределённости сколь угодно длительный срок. Для этого требуется ограничить период появления на свет потенциального наследника не менее 12 и не более 24 месяцами. Полагаем, что за этот срок лицо может пережить утрату, принять осознанное решение о применении вспомогательных репродуктивных технологий, решить организационные и юридические вопросы, связанные с имплантацией эмбриона, и даже совершить несколько таких попыток в случае первоначальной неудачи.

Библиография

1. Ничипорук П. *Nasciturus-postumus*: римская юридическая терминология, применяемая для определения зачатого ребенка // Древнее право. *Ivs antiquum*. М.: Спарк, 2004, № 2 (14). С. 116-131
2. Константинов К. Б. О необходимости трансформации подхода к понятию "наследник" в современном российском гражданском праве // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019: Сб. науч. трудов по материалам VI Международной науч.-практич. конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 года. Том 1. Гатчина, 2019. С. 142-146.
3. Капитонова Е.А. Правовой статус неродившегося ребенка: новый подход к определению // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. №4 (52). С. 70-79. DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-8
4. Кизыма Е.С. Правоспособность nasciturusa: постановка проблемы // Образование и право. 2016. №1. С. 38-44.
5. Журавлева Е.М. Статус nasciturusa в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2014. 185 с.
6. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // *Lex Russica*. 2019. №6 (151). С. 122-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130/
7. Куликов В.Ю. Актуальные проблемы правового статуса "наследника из пробирки" // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №7. С. 56-58.
8. Рыбаков В.А. Правосубъектность неродившихся детей // *Право и государство: теория и практика*. 2022. №4 (208). С. 6-8. DOI 10.47643/1815-1337_2022_4_6 УДК 340
9. Шелютто М.Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. №4 (59). С. 9-98.
10. Tsal-Tsalko Y. et al. Protection of the rights and interests of the child during inheritance: constitutional principles // *Amazonia Investiga*. – 2022. – Т. 11. – №. 52. – С. 212-220.

Hereditary legal status of an unborn child

Oleg L. Pilipchuk

Postgraduate student
Department of Civil Law and Procedure
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190103, 44, Lermotovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: pilya07@gmail.com

Oleg L. Pilipchuk

Abstract

The debate about whether an unborn child is a subject or an object of law, an autonomous subject, a part of the female body, or even a biological product has now become especially acute. The traditional idea of the hereditary legal status of an unborn child in connection with the development of assisted reproductive technologies requires revision. In this article, the author examines the legal nature of a person before his birth, analyzes the differentiation of the hereditary and legal status of an unborn child, depending on whether he was implanted as an embryo or conceived naturally, was born viable or non-viable. The problems of the hereditary and legal status of postmortem children are considered. It is noted that the most promising concept for the evolution of scientific ideas about the hereditary and legal status of an unborn child is the concept of the gradual development of human legal personality, which allows us to shift the moment of the beginning of legal personality, albeit to a limited extent, to an earlier stage than is now commonly believed - the moment of conception.

For citation

Pilipchuk O.L. (2024) Nasledstvenno-pravovoe polozhenie nerodivshegosya rebenka [Hereditary legal status of an unborn child]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (5A), pp. 212-219.

Keywords

Nasciturus, interests of the child, post-mortem children, legal personality, legal status, legal status, testator, heir.

References

1. Nichiporuk, P. (2004). Nasciturus-postumus: Roman legal terminology applied to define the conceived child. *Drevnee pravo. Ivs antiqvvm*, 2(14), 116-131. [Nasciturus-postumus: rimskaya yuridicheskaya terminologiya, primenyamaya dlya opredeleniya zachatogo rebenka]
2. Konstantinov, K. B. (2019). On the necessity of transforming the approach to the concept of "heir" in modern Russian civil law. In *Actual problems of science and practice: Gatchina readings–2019: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Gatchina, May 17-18, 2019* (Vol. 1, pp. 142-146). Gatchina. [O neobkhodimosti transformatsii podkhoda k ponyatiyu "naslednik" v sovremennom rossiyskom grazhdanskom prave]
3. Kapitonova, E. A. (2019). Legal status of the unborn child: A new approach to definition. *Izvestiya VUZov. Povolzhsky region. Social sciences*, 4(52), 70-79. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-4-8> [Pravovoy status nerodivshikhnya rebenka: novyy podkhod k opredeleniyu]
4. Kizyma, E. S. (2016). Legal capacity of the nasciturus: Problem statement. *Obrazovanie i pravo*, 1, 38-44. [Pravospobnost' nascituruzha: postanovka problemy]
5. Zhuravleva, E. M. (2014). Status of the nasciturus in civil law of the Russian Federation (Candidate's thesis). Moscow. [Status nascituruzha v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii]
6. Belova, D. A. (2019). Legal nature of the embryo in vitro. *Lex Russica*, 6(151), 122-130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130> [Pravovaya priroda embriona in vitro]
7. Kulikov, V. Yu. (2018). Current problems of the legal status of the "test tube heir". *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 7, 56-58. [Aktual'nye problemy pravovogo statusa "naslednika iz probirki"]
8. Rybakov, V. A. (2022). Legal subjectivity of unborn children. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4(208), 6-8. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_4_6 [Pravosub'yektnost' nerodivshikhnya detey]
9. Shelyutto, M. L. (2016). Children conceived after the death of a parent: Establishing parentage and inheritance rights. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4(59), 9-98. [Deti, zachatye posle smerti roditeley]
10. Tsal-Tsalko, Y., et al. (2022). Protection of the rights and interests of the child during inheritance: Constitutional principles. *Amazonia Investiga*, 11(52), 212-220. [Zashchita prav i interesov rebenka pri nasledovanii: konstitutsionnye printsipy]